

Андрей Илларионов

Государство в долгу: как уничтожили сбережения граждан в Сбербанке СССР

Кто виноват в потере и обесценивании миллиардных советских вкладов?

Материал является ответом на колонку «Советская пирамида: почему вклады граждан СССР были фикцией» и публикуется в рамках открытой дискуссии об ошибках и успехах реформаторов 1990-х годов.

На сайте русского Forbes заведующий лабораторией Института Гайдара Владимир Назаров [предпринял попытку защитить незащитимое](#) — объяснить, почему в 1992 году необходимо было уничтожить частную собственность российских граждан, воплощенную в их вкладах в Сбербанке, почему, на его взгляд, отсутствовала альтернатива такому уничтожению частной собственности, почему Егор Гайдар, чиновник, принявший активнейшее участие в этом уничтожении и ставший таким образом одним из наиболее ярких символов такой конфискационной политики, должен, по мнению автора, считаться национальным героем.

Повторение представителем нового поколения сторонников Гайдара мифа о якобы «эфемерных», «реально не существовавших» сбережениях российских граждан, о так называемой их «фикции» и «пирамиде иллюзий» нацелено на закрепление этой конструкции в сознании тех, для кого описываемая ситуация выступает скорее фактом истории, нежели собственным жизненным опытом. То, что советские и российские власти, по сути дела, сожгли расписки на вклады, доверенные миллионами наших соотечественников государственному Сбербанку, нисколько не отменяет того факта, что сбережения эти были заработаны в течение десятков лет упорного труда, потом, кровью, здоровьем их владельцев, а иногда и жизнями их близких.

Если сбережения граждан были настолько «нереальными», «эфемерными», «фиктивными», как пытаются нас уверить, то, спрашивается, зачем же тогда эти «эфемерные» и «иллюзорные» вклады так тщательно и так подчистую (как зерно в ходе продразверстки) изымались советскими властями из Сбербанка? И каким же образом эти «нереальные фиктивные средства» смогли профинансировать вполне реальные бюджетные дефициты СССР 1990 и 1991 годах и России 1992 году? В мифе о «иллюзорности», «фиктивности» сбережений ярко проявляются *наиболее явные черты гайдаровской школы экономической политики — ее бюрократически-номенклатурный характер, пренебрежение чужой собственностью (как частной, так и государственной), нарушение существующих контрактов, игнорирование в целом того, что в общественных науках называется «верховенством права».*

Другая важнейшая черта этой школы — *страсть к искажениям*, без чего, собственно, невозможно даже пытаться доказывать недоказуемое.

Так, в упомянутом тексте искажения фактов начинаются практически с первой фразы. Указ Бориса Ельцина №196 от 22 февраля 1992 года «О снятии ограничений

на использование средств населения на специальных счетах в Сберегательном банке РФ» был посвящен вовсе не «размораживанию» советских вкладов», а снятию ограничений на использование компенсаций, зачисленных властями по указу Михаила Горбачева от 22 марта 1991 года на специальные счета, которые, строго говоря, не были вкладами граждан. Сумма этих компенсаций была меньше четверти от средств населения в сберегательных вкладах на 1 марта 1991 года.

Авторство этого указа Назаровым совершенно незаслуженно приписано Гайдару: *«решение правительства Гайдара о «разморозке» вкладов», «Гайдар и Ельцин... открыли гражданам доступ...»* Ни в своих многочисленных текстах и выступлениях (включая мемуары «Дни поражений и побед»), ни в более чем 1000-страничном фолианте «Экономика переходного периода», написанном сотрудниками возглавлявшегося им института, нет ни одного слова о том, что Гайдар когда-либо выступал с подобной идеей. В тексте же самого президентского Указа четко упомянут его инициатор: *«Принять предложение Сберегательного банка Российской Федерации...»*. Как известно, Сбербанк подчинялся не Гайдару и даже вообще не правительству, а Центробанку, с руководителем которого Георгием Матюхиным Гайдар находился в состоянии неприкрытой бюрократической войны.

Г-н Назаров вводит читателей в заблуждение, предъявляя советскому руководству необоснованные претензии: будто бы вначале оно *«заморозило вклады» и повысило в ручном режиме цены. Потом испугалось ответственности за обесценение вкладов и приняло решение о компенсации населению потерь»*. Во-первых, по указу Михаила Горбачева №1329 от 22 января 1991 года были заморожены не все средства граждан во вкладах, а лишь их часть, за исключением разрешенной выдачи денег в пределах 500 рублей с одного счета в месяц, а также сумм, уплачиваемых без ограничения для оплаты товаров и услуг в безналичном порядке. Несомненно, это были ограничительно-конфискационные меры, заслуживающие самого жесткого осуждения, но это не была тотальная «заморозка вкладов». Во-вторых, все ограничения на выдачу наличных со счетов были сняты через два месяца указом Горбачева №1708 от 22 марта 1991 года. В-третьих, тем же горбачевским указом было принято решение о компенсации потерь вкладчикам Сбербанка. Иными словами, и «заморозка» была снята, и компенсации были начислены до повышения цен 2 апреля 1991 года, а не после него.

Проблема денежно-товарной (не)сбалансированности российского рынка накануне либерализации цен 2 января 1992 года представлена в статье на редкость некорректно. Ситуация в России на рубеже 1991-го и 1992 года проиллюстрирована данными для другой страны и другого времени — для СССР в период с 1970-го по 1990 год. Вызывает глубокое недоумение и несуществующий термин, помещенный автором в таблицу, — *«наличные бумаги»*. На фоне таких ляпов бледнеет даже ошибочная размерность (на два порядка) представленной в таблице обеспеченности денежных средств товарными запасами. Приходится констатировать, что подобная, строго говоря, халтура — тоже характерная черта гайдаровской школы.

Для понимания действительных масштабов разбалансированности рынка и ее эволюции в последние годы существования централизованно регулируемой экономики необходимо прежде всего взглянуть на реальные данные соотношения денежных средств населения и товарных запасов в торговле и промышленности (см. таблицу).

О чем говорят эти данные? Они говорят о том, что хотя кризис денежно-товарной сбалансированности российского рынка действительно имел место, пик его пришелся

не на конец 1991 года, как это навязывает гайдаровская школа, а на конец 1990-го. Именно тогда товарные запасы в торговле и промышленности составляли лишь 12 копеек на 1 рубль денежных средств населения. На конец 1991 года это соотношение, пусть ненамного, но все же увеличилось — до 14 копеек. Однако поскольку ограничения на использование компенсаций по банковским вкладам еще продолжали действовать и вкладчики не могли ими пользоваться (до марта 1992-го), то на самом деле на 31 декабря 1991 года более корректным является соотношение товарных запасов к денежным средствам без компенсаций, равное 17 копейкам. Такая величина больше не только показателя 1990 года, но и даже 1989-го.

Иными словами, фактическая денежно-товарная сбалансированность российского рынка в конце 1991 года на самом деле была немногим лучше, чем в течение двух предшествовавших лет.

Следовательно, утверждения гайдаровской школы о том, что своего относительного пика денежный навес достиг именно к концу 1991 года, скорее всего, не соответствуют действительности. Разрушение потребительского рынка последних месяцев 1991 года, скорее всего, было вызвано не только и не столько фактическим дисбалансом между объемом доступных гражданам денежных средств и наличными товарными запасами (в 1989 и 1990 годах ситуация была хуже), сколько результатом психологической паники, возникшей после публичных заявлений властей о неизбежной и скорой либерализации цен.

Но даже такая картина, представленная в таблице с корректными данными, является все равно неполной и неточной. Это картина, если что отражает, то только ситуацию в жестко регулируемой, контролируемой, еще не либерализованной экономике, со спросом граждан, вынужденно ориентированных властями на приобретение исключительно потребительских товаров. Если бы у власти оказалось правительство либеральных, а не номенклатурно-бюрократических реформаторов, то оно предприняло бы элементарные шаги по открытию для граждан рынков других товаров и услуг, до того времени запрещенных для реализации гражданам. Например, оно сняло бы ограничения на приобретение производственно-технического оборудования, грузового и пассажирского транспорта, квартир, магазинов, предприятий бытового обслуживания, других объектов малой приватизации, недвижимости, земельных участков сельскохозяйственного, производственного, жилищного назначения, иностранной валюты — то есть всего того, что тогда предлагал, например, Григорий Явлинский.

Тогда практически сразу же товарная часть приводимого выше товарно-денежного соотношения увеличилась бы в разы, скорее всего, ликвидировав проблему его дисбаланса.

В этом случае расширение товарного предложения было бы настолько значительным, что даже немедленное снятие ограничений на использование компенсаций по банковским вкладам населения не смогло бы заметно усложнить рыночную ситуацию. Более того, расширение товарного предложения означало бы столь же незамедлительное превращение так называемых «фиктивных» и «иллюзорных» сбережений граждан во вполне осязаемые.

Назаров делает вид, что не понимает ответа на элементарный вопрос: *как можно и как нужно было компенсировать вклады граждан?* Ему кажется, что в случае предлагаемого им варианта индексации вкладов (в соответствии с темпами инфляции) ему удастся напугать читателя размерами «бомбы замедленного действия» (внутреннего государственного долга) в 60% ВВП. Однако государственный

долг представляет макроэкономическую угрозу не тогда, когда он существует, а лишь тогда, когда власти игнорируют проблему и не хотят заниматься ее преодолением. Например, российский внешний долг, унаследованный от СССР и составлявший в 1991 году 12,5% российского ВВП, при проведении безответственной экономической политики за восемь последующих лет, к 1999 году, вырос до 77% ВВП. Однако при проведении разумной бюджетной и долговой политики за следующие девять лет, к 2008 году, размер российского внешнего долга упал с 77 до 2% ВВП. На таком фактическом фоне недавней истории собственной страны может ли кого-либо напугать величина государственного внутреннего долга в 60% ВВП?

Но представитель гайдаровской школы не был бы самим собой, если и в этом случае не обошелся бы без весьма показательных умолчаний. Если не прекращать индексацию сбережений граждан в 1998 году, на котором почему-то остановился Назаров, а продолжить ее проведение, например, до 2012 г., то размер индексированных по инфляции советских вкладов в Сбербанке составлял бы сейчас около 15% ВВП. И это та величина «бомбы замедленного действия», которой можно кого-то напугать?

Но предлагаемый для обсуждения и тут же отвергаемый ответ об индексации советских вкладов очередной раз убедительно проявляет важнейшую характерную черту *гайдаризма* — *циничной бюрократически-номенклатурной политики, возводящей безответственность власти перед своими гражданами в подлинный культ*: как это может быть, чтобы государство компенсировало людям то, что оно у них забрало? Это же просто невозможно!

Но и обсуждаемая Назаровым индексация сбережений — это далеко не самый лучший вариант, он является, что называется, *second best*. Существует гораздо более популярный, более естественный и более традиционный способ сохранения сбережений граждан — проведение либерализации не только товарных цен, но и всех других экономических параметров, включая и, естественно, цен на деньги. Иными словами, проведение либерализации процентных ставок, переход к рыночному способу их формирования по всем предоставленным и предоставляемым кредитам, переход к реально положительным (по отношению к инфляции) их значениям. Такие действия позволили бы сохранить сбережения граждан без внедрения технически более сложного механизма их компенсации. Но Гайдаром не было сделано ни первое (обсуждаемое Назаровым), ни второе (сделанное во многих переходных странах). Цены на товары для приобретения гражданами были либерализованы, а вот ставки по кредитным ресурсам, заимствованным правительством у населения, остались регулируемы. Иными словами, с самого начала это были двойные стандарты — закон действует для всех, кроме меня и моих друзей. Как и во многих других случаях, подход Гайдара был селективным, избирательным, элитарным.

Уничтожение сбережений граждан было проведено следующим образом. Средства граждан, накопленные к 1990 году на счетах в Сбербанке СССР (369 млрд руб.), правительство Николая Рыжкова изъяло и направило на финансирование дефицита союзного бюджета. Своим постановлением от 11 декабря 1990 года Верховный Совет СССР поручил Совету министров СССР до 31 декабря 1991 года оформить надлежащим образом возникшую задолженность перед Сбербанком. Несмотря на неоднократные обращения Сбербанка СССР и Госбанка СССР по этому поводу, ни правительство Рыжкова, ни правительство Павлова этого не сделали.

Своим письмом от 15 апреля 1991 года глава Госбанка СССР Виктор Геращенко известил правительство о том, что Госбанк приступил к начислению платы за пользование правительством кредитными ресурсами (в том числе полученными от Сбербанка) в размере 5% годовых. К тому времени инфляция в годовом измерении составляла уже примерно 95% годовых. Таким образом, реальная процентная ставка по изъятым у граждан сбережениям с самого начала оказалась сильно отрицательной. По итогам всего 1991 года индекс потребительских цен в России вырос до 168%, величина номинальной ставки по займам осталась неизменной, а реальной ставки снизилась еще более.

Кто виноват в потере и обесценивании миллиардных советских вкладов?

Проведение гайдаровским правительством открыто проинфляционной политики сразу же после частичной ценовой либерализации 2 января 1992 года, сопровождалось многократным ростом цен — в 1992 года индекс инфляции составил 2608%. Такая ситуация поставила на повестку дня вопрос о значительном повышении процентной ставки по средствам, заимствованным правительством у Сбербанка. Неоднократные обращения Сбербанка России и Центробанка России к вице-премьеру, первому вице-премьеру, и. о. премьера Гайдару по этому вопросу последствий не имели.

По состоянию на 10 апреля 1992 года ставка по средствам, заимствованным правительством у Сбербанка, оставалась прежней — 5%. В «Основных направлениях денежно-кредитной политики ЦБ РФ в 1992 году» Матюхин прямо писал: «Основная угроза денежной стабильности исходит из прямого кредитования дефицита государственного бюджета. Такие кредиты предоставляются в настоящее время под крайне низкий процент (5%)». К 29 июня 1992 года ставка, уплачиваемая Минфином, была поднята лишь до 15%, притом что официальная учетная ставка Центробанка (по кредитам коммерческим банкам) находилась на уровне уже 80%. К 22 октября 1992 года ставка Минфина по кредитам Сбербанка подросла только до 45% годовых. Таким образом, годовая реальная ставка по сбережениям населения, заимствованным рыжковским правительством, в 1991 году оказалась равной минус 60,8%. Это означает, что покупательная способность вкладов населения, находившихся в Сбербанке на 31 декабря 1990 года, за год сократилась почти на 61%. Таким был результат совместных действий союзного правительства Горбачева — Павлова и российского правительства Ельцина — Силаева.

Однако реальная годовая ставка по заимствованным сбережениям населения в 1992 году оказалась еще ниже — уже минус 94,4%. Это означает, что покупательная способность вкладов населения, находившихся в Сбербанке на 31 декабря 1991 года (и увеличенных с 30 марта 1992-го на размер 40%-ной «горбачевской компенсации»), за год сократилась более чем на 94%.

Таким оказался результат действий исключительно правительства Гайдара.

Суммарная покупательная способность вкладов населения, имевшихся в Сбербанке на конец 1990 года, по итогам 1992-го опустилась до чуть более 2% от своей величины в декабре 1990 года. Иными словами, сбережения населения, составлявшие в 1990-м более трети российского ВВП и более четверти ВВП в 1991-м, за два года были фактически полностью уничтожены.

С учетом сказанного вынужден внести уточнение в оценку, сделанную в своем интервью «Рынок без правопорядка — не капитализм, а сицилизм», привлекая, судя по ссылке в упоминавшейся выше статье, внимание и г-на Назарова. На самом деле Гайдар не только легализовал начатое советскими правительствами

уничтожение частной собственности российских граждан, но и сам осуществил ее ликвидацию в масштабах, намного превысивших деяния его непосредственных предшественников (в размере более четверти ВВП за один 1992 год).

Разговор о практически тотальном уничтожении сбережений российских граждан был бы неполным без напоминания о том, что, похоже, это была единственная заметная статья российского государственного долга, подвергшаяся столь безжалостному истреблению. Другие крупные статьи государственного долга — займы у внешних официальных кредиторов (Парижский клуб), у внешних коммерческих кредиторов (Лондонский клуб), у российских граждан и предприятий в валюте (внутренний валютный долг) были раньше или позже российскими властями признаны, оформлены, реструктурированы, обслужены и к настоящему времени большей частью выплачены. Был признан даже не оформленный на конец 1991 года долг перед бывшими членами СЭВ за отрицательное сальдо СССР во взаимной торговле в переводных рублях.

Спрашивается, почему же такой тотальный «геноцид» был устроен по отношению именно к рублевым сбережениям российских граждан?

Версия, формулируемая в русле *public choice*, — будто бы держатели рублевых вкладов представлялись властям наименее организованной и наименее влиятельной группой, не способной к эффективному политическому лоббированию, — выглядит допустимой только в том случае, если забыть о том, что вопрос о компенсации вкладов был одним из немногих, какие в течение двух десятилетий постоянно разжигали политический вулкан, способный испепелить любую власть, пытавшуюся отказаться от таких компенсаций.

Иная версия становится более понятной, если учесть, что кампания массовой приватизации государственной собственности в России была начата именно в декабре 1992 года, то есть тогда, когда была практически завершена ликвидация многомиллиардных сбережений российских граждан.

Что же получается в промежуточном итоге?

Установленными фактами являются следующие:

1. *Пик денежно-товарной несбалансированности* российского рынка пришелся не на конец 1991-го, а на конец 1990 года. Ситуация в 1991 году была, пусть и не намного, но лучше, чем в предшествующие два года. Однако ситуацию постепенного смягчения кризиса и выхода из него относительно мягкими мерами на рубеже 1991-1992 годов удалось сломать.

2. В конце 1991-го — начале 1992 года существовали все возможности для принципиального балансирования спроса и предложения без развязывания гиперинфляции — с помощью *массового предложения товаров и услуг, тогда еще не находившихся в легализованном рыночном обороте*. Однако этот метод, несмотря на то что тогда же был предложен, обоснован и активно рекламировался, тем не менее гайдаровским правительством не был использован.

3. Даже *вполне примитивная компенсация сбережений* населения в точном соответствии с темпами инфляции, как показывают расчеты, для макроэкономической устойчивости не представляла серьезной опасности. Однако и этот метод не был использован.

4. Традиционный и наиболее распространенный способ сохранения сбережений граждан — *либерализация процентных ставок и переход к реально положительным ставкам*, активно предлагавшийся руководством Центробанка России, Гайдаром не

был осуществлен, а настойчиво предлагавший эти идеи Матюхин с активной помощью Гайдара был уволен.

5. Развязанная Гайдаром *инфляция в сочетании с жестко регулируемыи и заниженными процентными ставками по принудительным займам* Минфина у Сбербанка в течение относительно короткого срока уничтожила практически все сбережения населения, созданные в течение предшествовавших десятилетий.

6. Сбережения населения оказались фактически единственной крупной статьёй государственного долга, российскими властями *не признанной, не оформленной, не компенсированной и не оплаченной*, в конечном счете фактически полностью уничтоженной инфляцией.

7. В результате за кратчайший срок — фактически в течение одного года — *был полностью ликвидирован инвестиционный ресурс*, принадлежавший российским гражданам на рубеже 1980-х — 1990-х годов, который мог бы быть использован в предстоявшей тогда кампании массовой приватизации государственной собственности.

8. Спешно начатая в конце 1992-го *кампания массовой приватизации* огромной государственной собственности, *была проведена молниеносно в тот период времени, пока у российских граждан отсутствовали их сбережения*, которые в случае их наличия могли бы быть конвертированы в крупнейший в стране инвестиционный ресурс. К тому времени, когда у российских граждан стали появляться новые сбережения, сделанные уже в условиях рыночной экономики, процесс массовой приватизации государственной собственности в основном был завершен.